

ГОРНЫЕ ТЕРРИТОРИИ: ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ¹

У всякого рецензента есть два пути: либо пенять на то, чего в сборнике НЕТ, либо ограничиться тем, что в нем ЕСТЬ, и рассуждать в рамках этого имеющегося. Я пойду вторым путем.¹

Рецензируемая книга вышла в возрожденной серии “Вопросы географии” и достойно представляет и серию, и заявленную тему. Содержательно сборник в целом не просто хорош, а очень хорош. Все, кроме одной, статьи, столь разные по замаху или территории исследования, объединяет высокое качество и информационная насыщенность.

Архитектонически сборник состоит из введения, трех разделов и приложения. Разбиение на разделы и логично, и резонно потому, что в нем почти нет сугубо физико-географических и экономико-географических текстов: практически везде – некоторое сочетание. Чего в нем, по-хорошему, не хватает – так это завершающего аккорда, подытоживающего заключения. Вместе с тем мне представляется, что такое заключение (точнее, кандидат на него) в сборнике скрыто присутствует – это так называемое Приложение 2 (Ю.П. Баденков, А.Н. Гуня, А.Н. Медведев, А.Н. Нарыков “Карта горных регионов России”), может быть, не само по себе, но текст, достроенный на его основе. Дело в том, что основной нерв противоречивости составляющих сборник статей – это сама дефиниция гор, или горных территорий. В сборнике их не одна и не две. Означенный текст начинается с тезиса Айвза о том, что вообще этого не нужно. Если бы в этом заключительном тексте был краткий обзор встречающихся в сборнике дефиниций и выражено к этому некоторое отношение – было бы и красиво, и завершительно.

Еще одно терминологически-дефиниционное замечание, точнее, соображение. Смущает само слово “монтология” (или “геомонтология” – не понятно в чем разница), но слишком-то благозвучное по-русски: уже переход на английский корень – “маунтология” – чуточку лучше, но только чуточку. Кстати, русская калька с этого слова вовсе не “горология”, а “гороведение” (Можно представить себе и более эмоциональное: “гористика”).

Хорошо, что у сборника есть неявный адресат посвящения – Н.А. Гвоздецкий. Но может быть, стоило сделать неявное явным и посвятить весь выпуск памяти этого действительно выдающегося “гороведа”.

Очень хорошо в сборнике представлена (а во введении четко сформулирована) принципиальная полимасштабность изучения гор – чистая глобализация недорого стоит без учета регионализации и локализации (контекстуализации). Импонирует явная тяга к широкой форматности охвата объектов, оперирование Россией или даже миром в целом (статьи В.М. Котлякова; В.А. Семёнова; Г.С. Самойловой и И.А. Авессаломовой; В.А. Колосова и А.Н. Гуни).

Масштабной и новаторской является и работа В.Л. Бабурина, М.Д. Горячко, А.И. Даньшина и П.Л. Кириллова о государственной политике финансовой поддержки (бюджетных трансфертов) развития горных субъектов России. Она как бы продолжает работу Самойловой и Авессаломовой, но переходит на более дробное деление и ставит более прагматические, связанные с бюджетным процессом, задачи. Но впечатление, которое может сложиться у неискушенного читателя, что в статье впервые ставится проблематика применимых и применяемых на практике критериев горности – ложное. Тут есть своя традиция, опереться которую все же стоило бы².

Как эконом-географа меня заинтересовала и статья А.Н. Гуни “Влияние приватизации земель на горные ландшафты”. В ней наблюдается интереснейшее столкновение двух “неэффективностей” – капиталистической (частной собственности на землю) и социалистической. Может быть стоило усилить понимание того, что речь в статье эмпирически идет о довольно диком капитализме, а не о цивилизованном, когда под приватизацией земель понимается “процесс переговоров, притирок, взаимодействия сторон, прежде всего, представляющих государство, коллективы и частных лиц”. Проблематика статьи Гуни становится нагляднее, если тезисы автора сопрычь с наблюдениями Р.Г. Грачёвой над эволюцией землепользования на Северном Кавказе.

Прагматический аспект ощутим еще в двух работах – Ю.В. Ефремова (“Адаптация инфраструктуры к глобальным изменениям на примере зимних олимпийских игр Сочи-2014”) и Ш.С. Мудуева (“Стратегические и нормативно-правовые основы формирования горной политики в России: опыт Республики Дагестан”). Дагестан – один из трех регионов России, где приняты “горные” законы. Его опыт может быть взят за основу для выработки горной политики и в других субъектах Федерации, да и всей страны в целом.

Можно только приветствовать появление новейших исследований расселения Чеченской Республики. Но именно тут надо быть и особенно осторожным, ибо мы имеем дело с регионом, в котором переписные фальсификации (особенно в 2002 г.) имели фатальные для демографии и географии расселения последствия. С рассказа о них и с их учета следует начинать любой такого рода анализ. Поэтому когда Л.Х. Биткаева и С-Э.М. Джабраилов, авторы статьи “Современные факторы динамики ландшафтов и расселения в Чеченской Республике”, переходят от ландшафтов к расселению, я не могу не спросить их: почему, вслед за ними, я должен верить в то, что население Грозного в 2010 г. – 272 тыс. чел.? Эта статья сборника выбивается из общего ряда и, главное, из общего, весьма высокого уровня сборника в целом.

П.М. Полян

¹ Рецензия на сборник: Вопросы географии. Сб. 137: Горные исследования. Горные регионы северной Евразии. Развитие в условиях глобальных изменений / Отв. ред. В.М. Котляков, Ю.П. Баденков, К.В. Чистяков. М.: ИД «Кодекс», 2014. 584 с.

² Отсылаю лишь к одной сводке: Полян П.М. Население и системы расселения горных регионов СССР // Горные территории: Рациональное природопользование, хозяйственное освоение и расселение. Итоги науки и техники. География СССР. Т. 18. М.: ВИНТИ. 1988. С. 124–182.